

АВТОНОМНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ¹

П. Н. Дудин

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Российская Федерация, 670013, Республика Бурятия, Улан-Удэ, Ключевская ул., 40В

В статье предпринята попытка с опорой на имеющиеся зарубежные и отечественные научные материалы вывести дефиницию автономного государства и набор его ключевых признаков (характеристик). Несмотря на то что подобная категория не присутствует в широком политическом дискурсе, существование государств (или государствовидных образований) с автономным статусом по-прежнему является реальностью и одним из механизмов формирования регионального политического порядка, требующего научной оценки. Актуальность заявленной проблематики обусловлена историческими событиями, которые происходили в регионе Восточной Азии в первой половине XX в. и по объективным или субъективным причинам нуждаются в научном и общественном переосмыслении. Подобным актором является Монголия (тогда — Внешняя Монголия/ Монгольская Народная Республика), ее роль и значение в событиях, предшествующих и сопутствующих Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Другим актором может служить создание японским военным командованием «альтернативного» Монгольского государства, Мэнцзяна, на занятых территориях Северного Китая. Мэнцзя после непродолжительного периода существования с претензией на независимость (1937–1940) вслед за созданием «альтернативной» Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя в 1940 г. вошел в ее состав в качестве государства с высокой степенью автономии. И если современное состояние международных отношений в регионе позволяет утверждать, что военного присутствия недружественных России держав в Восточной Азии в ожидаемом будущем не предвидится, то говорить с такой же уверенностью об иных инструментах стратегического присутствия, включая и так называемую мягкую силу, не приходится. Именно поэтому изучение опыта построения регионального политического порядка является важной задачей, к решению которой должно подключаться и научное сообщество.

Ключевые слова: автономное государство, Европа, Восточная Азия, международные отношения, стратегическое присутствие.

Третьего сентября 2019 г. на официальном сайте Президента Российской Федерации появилась информация о том, что «Владимир Путин и Президент Монголии Халтмагийн Баттулга присутствовали на торжественном приеме, посвященном 80-летию победы на Халхин-Голе», при этом глава нашего государства подчеркнул, что «Россия будет делать все, чтобы дружеские и проверен-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502 «Институты российского/советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.».

ные временем отношения с Монголией стали по-настоящему стратегическим партнерством» [Торжества, 2019]. Подобное заявление в очередной раз подтвердило тот факт, что действия России по выстраиванию собственной модели регионального порядка в Восточной Азии всегда были обусловлены обеспечением стабильности в регионах присутствия и развитием двусторонних и многосторонних отношений в рамках и в пределах норм международного права. Наиболее яркой иллюстрацией этого являются как события на р. Халхин-Гол, так и процессы, протекающие в Восточной Азии на протяжении первой половины XX в., когда сочетание профессионализма, выдержки и принципиальности позволили защитить интересы нашей страны на Дальнем Востоке и обеспечить безопасность государства в преддверии Второй мировой войны.

Важность отношений с Монголией всегда определялась как стратегическим положением этого государства, так и той ролью, которую оно играло в экономике, коммуникациях и обеспечении безопасности нашей страны в XX в. Во-первых, издавна через эту страну проходили торговые пути из Китая, через Великую стену в Россию и далее — на Запад. Железная дорога связывала Сибирь с Дальним Востоком, Северным Китаем, Внешней и Внутренней Маньчжурией. С начала Японо-китайской войны японская сторона утверждала, что именно этим путем Советы поставляют оружие и боеприпасы в Китай, и неоднократно выказывала стремление обеспечить доступ во Внешнюю Монголию.

Во-вторых, в случае военного конфликта именно данная территория должна была стать важной базой для проведения операций по дальнейшему продвижению Японии вглубь континента и организации военных поставок. После перехода контроля над Монголией к Японии последняя становилась ближайшим соседом Сибири, и в результате этого России пришлось бы жить в ежеминутном страхе вторжения.

В-третьих, Внешняя Монголия непосредственно примыкала к Внутренней Монголии, которая в 1930-е гг. предпринимала попытки получить независимость. После их провала недалновидная и поспешная политика Нанкина по упразднению автономии этого региона, а также организация военно-полевого суда, в результате которой были казнены представители монгольской знати — прямые потомки Чингисхана, обвиненные в заговоре против Маньчжоу-Го, заставили представителей монгольской аристократии рассматривать Советскую Россию в качестве единственного источника поддержки.

В-четвертых, японское военное командование, захватившее Маньчжурию и создавшее там в 1932 г. маньчжурско-монгольское государство Маньчжоу-Го, в следующем году продолжило наступление вглубь континента, установило влияние на территории восточных аймаков Внутренней Монголии, а в 1936 г. приступило к созданию «альтернативного [Монгольской Народной Республике] государства, способного претендовать на роль преемника государственности Чингисхана и консолидировать разрозненный монгольский этнос, разбросанный по территории всего Азиатского континента.

Основной упор монгольских государственных деятелей был направлен на получение независимости, а японского военного командования на континенте — на создание автономного государства, что и было в итоге осуществлено.

Исходя из вышесказанного представляется необходимым дать характеристику политической природе и международно-правовому статусу автономного государства. Поскольку специальных комплексных работ, посвященных этому вопросу на данный момент ни в зарубежной, ни в отечественной литературе нет, мы сделаем это, опираясь на имеющиеся материалы и опыт, преимущественно европейских политий. Таким образом, целью настоящей статьи является попытка дать определение дефиниции «автономное государство» и обозначить его ключевые признаки/ характеристики с опорой на труды современных авторов.

В Европе широкий процесс автономизации приходится на середину XIX в. и связан либо с освободительным движением, которое предпринимали народы Восточной Европы на фоне центробежных тенденций в империи Габсбургов и Османской империи, либо с образованием новых государств (Северогерманского союза и Австро-Венгрии). Автономизация нашла свое отражение как в трудах ученых, преимущественно юристов, так и в международно-правовых актах, нотах и официальных письмах. Для начала обратимся к позиции западных ученых.

Профессор истории Сорбоннского университета Ш. Сеньобос (фр. Charles Seignobos) в труде «Политическая история современной Европы (1814–1896)» (впервые издан в 1897 г., переведен на русский язык и опубликован в 1898 г. [Сеньобос, 1898]) подвергает анализу Северогерманский союз (1866–1871). Представляя собой союзное государство [Сеньобос, 1898, стб. 466], Союз ликвидировал государственный суверенитет его членов, но сохранил за ними значительную автономию, что позволяло им быть «...гораздо более независимыми, чем швейцарские кантоны» [Сеньобос, 1898, стб. 468]. Автономный статус предполагал их согласие на учреждение должности союзного президента, создание союзного правительства (под контролем которого находились вооруженные силы), союзного совета (Бундесрат), представлявшего правительства членов Союза, и выборного собрания (Рейхстаг), являвшегося представителем население, а также на передачу союзным органам власти полномочий в области дипломатических сношений, союзного законодательства в области торгового, морского и уголовного права и судопроизводства по ним, бюджета, формируемого за счет косвенных налогов и взносов членов Союза, и управления экономикой [Сеньобос, 1898, стб. 467–468].

Состав автономных полномочий включал сохранение собственной формы правления, главы государства и правительства, финансовой системы и бюджета, правовой системы (за исключением указанных выше отраслей) и системы правосудия, религиозные вопросы и образование. При этом военный призыв хотя и был равнозначным для всех автономных государств и организовывался по прусской модели, но позволял призывникам проходить службу в пределах своей Родины, а Саксония даже формировала отдельный корпус. В целом модель союзного государства, созданная О. Бисмарком, предполагала формулу, сводившуюся к тому, чтобы «найти минимум уступок, которые должны были делать отдельные государства в пользу целого, чтобы это целое было жизнеспособно, и не требовать от других правительств никаких жертв, кроме... необходимых для существования национального целого» [Сеньобос, 1898,

стб. 467–468]. Данная модель показала свою эффективность спустя 5 лет, когда Франция проиграла войну Пруссии, что было использовано О. Бисмарком как повод для создания еще более крепкого и эффективного государственного механизма — Германской империи.

Далее Ш. Сеньобос переходит к анализу государственной системы империи Габсбургов, менее эффективной на данном историческом этапе и, как следствие, более склонной к центробежным тенденциям. В зону внимания попадают преимущественно балканские государства, которые именно со второй половины XIX в. переживают национальный подъем и встают на путь обретения независимости. Имея значительный опыт развития своей государственности, зарождающейся при соседстве с Византийской империей, балканские народы наследовали дух своих предков, которые тоже не всегда были лояльны к своему гегемону. Так, известный юрист своего времени проф. Петербургского университета В. М. Грибовский писал, что «...каждая часть империи, будучи чем-нибудь недовольна или не соглашаясь с принципами внутренней политики, проводимой Константинополем, добивалась возможности сложиться в автономное государство, признававшее только военную гегемонию столицы» [Грибовский, 1897, с. 190].

Спустя почти тысячу лет ситуация на полуострове повторялась, и увидевшие слабость империи национальные составные части во главе со своими политическими лидерами спешили возродить утраченную когда-то самостоятельность в той или иной форме, используя любые возможные методы и ресурсы. Так, Ш. Сеньобос констатирует, что возрожденное со значительной долей самостоятельности Венгерское полуаристократическое государство, «с парламентом, либеральным образом правления... было достаточно сильно, чтоб подчинить себе меньшие национальности, но... было вынуждено предоставить хорватам организовать в автономное государство» [Сеньобос, 1898, стб. 549]. Катализатором движения за автономию Хорватии, требования о предоставлении которой с переменной степенью интенсивности звучали с 1878 по 1892 г., послужила оккупация Боснии и Герцеговины: население этих регионов говорило по-хорватски и выступало в единой вере (так, с идеей о придании самим Боснии и Герцеговине статуса автономных государств выступала Россия [Освободительная борьба, 1985], в итоге им удалось добиться его на основании подписанной европейскими державами конвенции 7 (19) августа 1858 г. в Париже). Основу автономного статуса Хорватии составили религиозный аспект, включавший право избирать своего митрополита и самостоятельно решать церковные вопросы, получение права на управление школьным образованием и равноправия латинского и кириллического алфавитов, использование хорватского языка в работе государственных учреждений, а также передел некоторых прилегающих территорий и статус монархии (королевства), который бы обеспечил связь с Венгрией лишь личной унией [Сеньобос, 1898, стб. 547–548]. Данный проект так и не был полностью претворен в жизнь вплоть до 1918 г., когда Королевство сербов, хорватов и словенцев (позднее преобразованное в Югославию) создало требуемые условия.

Французский историк А. Дебидур (фр. Elie Louis Marie Marc Antoine Debidour), характеризуя государственность Европы после поражения Наполеона и Вен-

ского конгресса, косвенно затрагивал как признаки автономного государства, так и его примеры [Дебидур, 1947]. Во-первых, немаловажное значение при характеристике данного явления имело недавнее приобретение самостоятельности (при этом объем самостоятельности и ее тождественность независимости/государственному суверенитету мы пока опустим), иными словами, автономное государство рассматривалось как молодое, новое государство, государство в стадии становления. Во-вторых, основой становления данного государства выступали его традиции, язык, нравы и религия [Дебидур, 1947, с. 530]. В качестве примеров приводились Греция (идея создания Греческого автономного государства при вассальной зависимости от Турции высказывалась Чарльзом Стрэтфордом еще в 1826 г. [Дебидур, 1947, с. 255]), «недавно созданные балканские государства» (поскольку работа была написана в 1890 г., речь, очевидно, шла о Румынии и Сербии), а также Бельгия и Венгрия [Дебидур, 1947, с. 530]. Когда шла речь о Румынии и позднее о Болгарии в качестве автономных государств, длительное время не признаваемых де-юре в качестве суверенных, но являвшихся таковыми де-факто, появлялась не только теоретическая, но и практическая юридическая проблема. Так, утрата доминирования на Черном море Турцией и Россией и появление новых субъектов международных отношений со своими интересами ставили перед международным сообществом вопрос о возможности обладания новыми государствами стратегически важного права владения морскими силами в регионе [Проливы, 1923, с. 56], которое ранее приобреталось в результате упорных и кровопролитных войн. Говоря о Венгрии в конце 1860-х гг., стоит отметить, что ее формальными характеристиками в качестве автономного государства выступали собственные правительственные учреждения и парламент (сейм), куда хорватская часть государства могла направлять своих представителей [Дебидур, 1947, с. 345]. Данный статус и соответствующие привилегии пытались получить Галиция, Чехия, которая отказывалась направлять своих представителей в австрийский парламент (Рейхстаг) и Словения (Крайна). Крайна, входившая в 1816–1849 гг. в состав империи Габсбургов, имела статус королевства, при этом речь шла о возвращении к нему и объединении со Штирией, Каринтией и Далмацией [Дебидур, 1947, с. 346]. В целом А. Дебидур уделяет не очень пристальное внимание характеристике автономных государств, ограничиваясь лишь описанием исторического фона и констатацией некоторых из наиболее важных признаков, однако достаточно определенно характеризует предпосылки и условия, в которых формировались автономистские настроения.

Позиция Австро-Венгрии послужила причиной попытки реализовать проект создания автономного государства в отношении Албании в разгар Первой мировой войны, когда 11 (24) марта 1915 г. русскому министру иностранных дел было направлено сообщение английского посольства в Петрограде [Международные отношения, 1935, с. 3]. В сообщении было отражено намерение создать из центральной части этой страны небольшое автономное государство, разделив Северную и Южную Албанию между Черногорией, Сербией и Грецией [Международные отношения, с. 7]. В развитие этих предложений 13 (26) апреля 1915 г. между Россией, Великобританией, Францией и Италией было заключено

секретное соглашение, которое ставило своей целью обезопасить Италию от австрийского военного участия. В случае победы Италии были обещаны находящиеся под австрийским суверенитетом территории в составе Триеста, Истрии, Трентино, Западного Тироля и других земель, Далмацию с прилегающими окраинами, часть азиатской территории Турции, турецкие правомочия в Ливии, а также центральная часть Албании, в пределах которой и должно было быть создано нейтральное автономное государство [Ключников, 1926, с. 28]. Италии как стране-сюзерену предоставлялось право выступать от его имени в международных сношениях. Однако этот проект остался нереализованным, и Албания в 1920 г. была признана в качестве независимого государства.

Судьба Германии и ее некоторых областей также была предметом автономистских проектов Первой мировой войны. Так, в ноте русского министра иностранных дел Н. Н. Покровского на имя французского посла в Петрограде Ж. М. Палеолога от 1 (14) февраля 1917 г., прилагаемой к секретному русско-французскому соглашению о целях войны от 1 (14) февраля — 26 февраля (11 марта) 1917 г., содержалось условие создания на части немецких земель, прилегающих к Франции автономного нейтрального государства с размещением на его территории французских войск как гаранта выполнения Германией всех оговоренных условий [Ключников, с. 28].

Но наиболее наглядным проектом создания автономного государства был опыт освобождения Болгарии и Крита из-под власти Османской империи, в связи с чем на этом следует остановиться более подробно.

В первом случае были выработаны два проекта создания Болгарского автономного государства. Юридический статус первого варианта был в общих чертах изложен в донесении А. Н. Церетелева Н. П. Игнатьеву (так называемый проект-максимум) о составлении проекта устройства Болгарии от 1 ноября 1876 г. и предполагал в качестве главного принципа самоуправление с учетом национального фактора (расселение мусульман и христиан по разным кантонам) при минимально необходимом числе чиновников, независимом правосудии и иностранном главе государства [Освобождение Болгарии, 1961, с. 488–489]. Кантоны в качестве основных административно-территориальных единиц также получали значительную самостоятельность в вопросах организации управления, налогообложения, обеспечения правопорядка, поддержания путей сообщения и построек; они объединялись в губернии. Во главе Болгарии должен был быть поставлен генерал-губернатор из числа христиан, назначаемый Портой на 5 лет с весьма широкими полномочиями. Религиозные и социальные учреждения сохраняли свой статус и должны были содержаться общинами — предполагалась свобода вероисповедания и образования. Отдельно оговаривались вопросы налогообложения и состояния вооруженных сил.

Второй вариант (так называемый проект-минимум, разработчик — Н. П. Игнатьев) учитывал, что, по условиям Константинопольской конференции, Болгария была разделена на Восточную и Западную автономные области, что было сделано под влиянием национального фактора, тогда как Россия настаивала на соблюдении принципа «большинства населения». В итоге, согласно этому (запасному) проекту, власть турецкой администрации носила номинальный харак-

тер, значительные привилегии предоставлялись казам или кантонам во главе с этническими болгарями; создавалась местная милиция [Освобождение Болгарии, с. 496]. Во главе провинций становились генерал-губернаторы, которые согласовывались Портой с великими державами, срок полномочий также соответствовал предыдущему проекту. Они получали гарантии сохранения статуса и невозможности смещения без согласия на это и Порты, и держав. В качестве основных административно-территориальных единиц значились казы с выборным начальником во главе, которые объединялись в санджаки. Налоговые вопросы, создание милиции и полиции, организация судопроизводства, а также статус и положение религиозных и социальных учреждений получили свое развитие в соответствующих положениях данного проекта.

В числе других вариантов русская сторона допускала создание независимых княжеств Болгарии и Румелии, а австрийская сторона — автономных Боснии, Румелии и Албании [Сборник договоров, 1952, с. 148]. Российская сторона в лице министра иностранных дел А. М. Горчакова (Меморандум на французском языке на имя П. П. Убри об условиях Адрианопольского перемирия 31 января 1878 г.) излагала свою позицию на условия мирного договора до начала второй военной кампании, которая была доложена берлинскому и венскому дворам в ноябре 1877 г. Позиция сводилась к той степени болгарской автономии, которая позволила бы сохранить самоуправление посредством установления национальной администрации и автономных учреждений и выработки системы гарантий, обеспечивающих автономный статус. В числе таковых изначально предлагалось участие бельгийских жандармов, которые должны были играть роль современных миротворческих сил, и эффективность которых Россией ставилась под сомнение.

По условиям Адрианопольского перемирия и территория, и автономный статус Болгарии оказались в несколько иной вариации, чем предлагали оба проекта. Во главе государства находился князь, утверждаемый турецким султаном сроком на 5 лет. Кроме того, страна приобретала вассальную зависимость от Турции, обязана была к выплате в адрес последней дани и получала возможность требовать удаления всех турецких войск со своей территории [Освобождение Болгарии, с. 476]. Таким образом, автономия носила вассальный, а не административный характер. Сам А. М. Горчаков говорил, что подобная форма организации Османской империи является для нее единственным возможным вариантом сохранения имперского статуса и обеспечения своего присутствия в Европе [Освобождение Болгарии, с. 478]. Создание Болгарского автономного государства происходило при широком международном участии и предполагало дальнейшую международную опеку в форме иностранного военного присутствия после урегулирования всех существенных разногласий.

Еще один яркий и показательный пример — создание в 1898 г. автономного государства Крит, когда после череды стычек между христианами и мусульманами при участии России, Великобритании, Франции и Италии был заключен Халепский пакт, положивший начало современной критской государственности. Адмиралы упомянутых держав составили совет адмиралов, который временно получил полномочия по управлению островом; был избран исполнитель-

ный комитет; территория Крита была поделена на сектора, куда были введены иностранные войска [С. Т., 1913, с. 201].

Четвертого ноября 1898 г. было объявлено об установлении автономии, даровании конституции и учреждении должности верховного комиссара, которую 9 декабря 1898 г. занял греческий принц Георг [С. Т., с. 202]. При этом остров оставался под формальным суверенитетом Турции, о чем 19 ноября 1898 г. представители четырех держав соответствующей нотой уведомили Порту, и в Судской бухте подняли флаги Турции и стран-покровительниц, а в декабре того же года был принят и критский флаг. Избранное в январе 1899 г. Народное собрание в феврале того же года утвердило конституцию, согласно ст. 1 которой Крит с прилегающими островами провозглашался автономным государством в составе Турции под покровительством держав. Ст. 2 провозглашала неотчуждаемость его территории, ст. 3 закрепляла полномочия по поддержанию правопорядка за жандармерией и милицией, иностранным вооруженным силам запрещалось размещаться на острове. Официальным языком объявлялся греческий, закреплялось равноправие религий. В сфере управления фактически была установлена конституционная монархия во главе с князем (верховным комиссаром): он освобождался от юридической ответственности за свои властные действия, — ее возлагали на советников по соответствующим направлениям. Народное собрание было преобразовано в Палату депутатов, получившую полномочия в области принятия законов и утверждения бюджета [С. Т., с. 203]. Конституция закрепляла основные права человека, устанавливала независимость судов, предусмотрела создание отдельных от турецких государственных учреждений. В этом же году была создана критская таможня, а пошлину обязаны были платить даже турецкие подданные, приравненные в этом вопросе к иностранцам. В 1900 г. учреждается почта и в 1902 г. автономное государство вступает во Всемирный почтовый союз. В 1901 г. вводится собственная монета. Однако настроения жителей острова, желающих присоединения к Греции, берут верх, и спустя некоторое время Крит снова втягивается в череду военных конфликтов, которые закончились в 1908 г. фактическим, а в 1913 г. — юридическим включением его территории в состав Греции.

В этом примере показательным является не только факт детальной проработки правовой стороны автономного статуса, но и механизм правопреемства, который проиллюстрировал переход к Греции прав и территориального верховенства на остров, и перехода обязательств Крита, возникших в его бытность автономным государством. По так называемому делу о маяках [Броунли, 1977, с. 380–381], юридическому спору между Францией и Грецией, поступившему на рассмотрение Постоянной палаты третейского суда, было вынесено постановление о том, что ответственность за финансовые последствия нарушения концессионного договора Критом должны быть возложены на Грецию, что знаменовало собой юридическую ответственность не страны-сюзерена (которой на тот момент была Турция), а страны — правопреемника критской государственности, которая после присоединения к Греции фактически прекратила существование.

Среди государств в их нынешнем международно-правовом статусе значительный интерес представляет Монако. Заключенный 17 июля 1918 г. договор

между этим государством и Францией о порядке взаимоотношений предусматривал потенциальную возможность превращения Монако в автономное государство при соблюдении ряда условий. Первым условием устанавливалась вакантность престола княжества, вторым — установление над княжеством французского протектората, третьим — сохранение за Монако статуса государства (по тексту — Государство Монако) и четвертым условием разрешались отдельные имущественные вопросы частных лиц [Ключников, с. 153]. Таким образом, договор не раскрывал содержания правомочий автономного государства, а лишь оговаривал порядок придания ему соответствующего статуса. Вместе с тем смешение понятий «автономия» и «протекторат» вызывает обоснованные сомнения, на которые косвенно указывал и Л. Оппенгейм (Lassa Francis Lawrence Oppenheim) [Оппенгейм, 1948, С. 186], говоря о сложности определения международно-правового статуса этого карликового государства.

В отечественной правовой мысли по вопросу о статусе автономного государства заслуживает внимания позиция Н. М. Коркунова, который, комментируя юридический статус Финляндии в составе Российской империи, не только допускал существование несuverенного государства, но и настаивал на относительно небольшом отличии категории «автономное государство» от категории «автономная провинция». Следуя логике об абсолюте государственного суверенитета, Н. М. Коркунов допускает возможность суверенного государства расширять и определять свою компетенцию [Коркунов, 1901, с. 195], в том числе и по отношению к несuverенному государству, входящему в его состав.

Советская правовая мысль относительно автономного государства сводилась к следующему. Профессор юридического факультета МГУ Н. Я. Куприц в 1940 г. писал, что имеют место быть три формы советской автономии: автономная советская социалистическая республика, автономная область, национальный округ. При этом автономные республики он выделял в качестве высшей формы советской автономии; они, обладая «...государственной, законодательной автономией...», представляли тем самым собой автономное советское социалистическое государство, входящее в состав союзной республики. Однако автономная республика не могла являться союзной республикой в связи с отсутствием объективных причин, дающих на определенном историческом этапе основания для придания ей соответствующего статуса [Куприц, 1940, с. 18]. Позднее в «Вестнике Московского университета» по кафедре государственного права была размещена научная статья Н. В. Крупского [Крупский, 1950], в которой автор подтверждал данный тезис, констатируя, что государственной правовой формой политической автономии является АССР, которая выделяется среди других автономных образований в качестве именно автономного государства из-за наличия у него конституции и высших органов государственной власти. В качестве сопутствующих признаков указывалось, что законодательные акты автономного советского социалистического государства имели обязательную силу на его территории, а сама территория не могла быть изменена без согласия автономии. Таким образом, констатировал автор, автономная советская социалистическая республика в системе советской федерации являлась государством особого вида — автономным государством [Круп-

ский, 1950, с. 72–73]. Автономное государство не обладало государственным суверенитетом, а выступало в качестве субъекта федерации как государственного союза, что отличало его от других автономных образований, таковыми, по мнению Н. В. Крупского, не являющихся [Крупский, 1950, с. 73].

В «Политико-правовом комментарии Конституции СССР» [Конституция СССР, 1982] авторы подчеркивают территориальное верховенство автономной республики, право на осуществление государственных полномочий в лице высших органов государственной власти и правосудия, а изменение территории считали возможным только путем выражения воли ее народа [Конституция СССР, 1982, с. 247]. При этом большинством советских авторов упускался национальный вопрос, который был ключевым при определении субъекта союзного государства в форме АССР. И даже в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Ю. Ю. Юнусов, перечисляя приведенные выше признаки автономного государства и выделяя Дагестанскую АССР в качестве «...своеобразного многонационального автономного государства...» [Юнусов, 1967, с. 3], тезис о многонациональности или национальном аспекте автономной государственности не развивает, а добавляет к сказанному лишь наличие собственного гражданства и государственных атрибутов (герб, флаг, столица), хотя и выделяет важный, на наш взгляд, признак — наличие собственного представительства в высших органах государственной власти Союза ССР и РСФСР [Юнусов, 1967, с. 9]. Таким образом, с подачи соискателя, автономное государство приобрело еще одну ценную характеристику в виде возможности представительства в высших органах государственной власти того государства, в состав которого оно входит.

Н. Н. Хороший писал о народном и национальном суверенитете этнических групп, создающих автономное государство. При этом ограничение государственного суверенитета автономным статусом он признавал в качестве воли народа, пожелавшего создать в системе советской федерации национальное автономное государство [Хороший, 1972, с. 3]. Характерно, что данный тезис он развивал в отношении Тувы (на тот момент Тувинской АССР), которая в 1921–1944 гг. провозглашалась в качестве независимого государства и получила международное признание со стороны РСФСР (СССР) и МНР.

Национальный аспект нашел свое отражение в характеристике государственного строя КНР в сборнике Конституций социалистических государств [Конституции социалистических государств, 1987], в котором авторы пошли от обратного. Указав на равноправие всех национальностей в Китае, они подчеркивали, что создание автономных государств на территории этой страны не предусматривалось, поскольку «...в качестве основной формы разрешения национального вопроса была выдвинута местная национальная автономия в форме только административной автономии...» [Конституции социалистических государств, 1987, с. 266–267], таким образом, признавая национальный характер автономного государства вообще и в СССР в частности.

Возвращаясь в своем исследовании к Восточной Азии, отметим, что широких научных дискуссий в рассматриваемый нами исторический период не велось, однако имелось достаточное количество примеров создания автономных

образований и позиций государственных деятелей по этому вопросу, что позволит нам дать необходимую оценку и с этой точки зрения.

Здесь необходимо прежде всего изучить опыт японского военного командования, которое перед тем, как приступить к созданию Монгольского автономного государства, «опробовало» свои силы и возможности на Северном Китае. Для этого нам следует опереться на позицию собственного корреспондента газеты «Вашингтон пост» в Шанхае Марка Дж. Гинсбурга (Mark J. Ginsbourg), который в своем обзоре событий на Северо-Востоке Китая в феврале 1936 г. писал о том, что главным действующим лицом процесса автономизации и затем отделения этой территории от Китая был начальник секретной службы японской Квантунской армии генерал-майор Кэндзи Доихара, хотя идейным вдохновителем этого процесса был командующий японскими войсками в Северном Китае генерал-майор Хаяо Тада. 29 сентября 1935 г. Доихара заявил, что считает организацию автономной администрации, охватывающей пять провинций Северного Китая, той мерой, которая значительно облегчит восстановление мира и порядка в регионе. Менее чем через месяц, 22 октября, был спровоцирован casus belli, когда фермеры одного из уездов демилитаризованной зоны Хэбэя в 40 милях от Пекина подняли восстание и потребовали автономии, в рамках которой необходимо организовать собственные судебные органы и отмену новых дополнительных земельных налогов. Попытки подавить восстание силой были немедленно пресечены японской армией, которая указала, что нахождение китайских войск в демилитаризованной зоне является нарушением перемирия Тангу 1933 г. и, таким образом, угрожает миру на Дальнем Востоке. Подобные бунты вспыхивали в последующие дни в ряде других уездов, чем удалось создать общее чувство незащищенности и автономии как единственного выхода из подобной бедственной для простых жителей ситуации [Ginsbourg, 1936, p. 9]. Предполагалось, что будет сформировано автономное правительство, ему будут подконтрольны территории провинций Хэбэй, Чахар, Шаньдун, Шаньси и Суйюань при сохранении юридической власти центрального правительства в Нанкине. Фактически эта структура оказывалась зависимой от японской армии посредством японских советников, по аналогии с Маньчжоу-Го [Japanese army, 1935, p. 1], но реализовать в полном объеме замысел не удалось.

В результате 25 ноября 1935 г. был сформирован Автономный антикоммунистический Совет (позднее — правительство) Восточного Хэбэя, который был первым среди подобного рода структур в регионе, в связи с чем его можно считать моделью. Состав Совета включал 9 членов, его юрисдикция распространялась на 22 уезда, большинство из которых находились в демилитаризованной зоне. Была опубликована Декларация о создании автономного режима, которой провозглашалась полная самостоятельность бывшей демилитаризованной зоны и разрыв всех отношений с национальным правительством в Нанкине, определена столица [No flag raising, 1935, p. 12], принят флаг. Позднее автономное правительство взяло на себя управление всеми судебными органами в демилитаризованной зоне [East hopei regime, 1936, p. 11], поставило под контроль филиал одного из пекинских университетов в городе Таншань и реорганизовало его, преобразовав в Университет Восточного Хэбэя [Domination, 1936,

р. 2], были учреждены собственные таможенные пункты [North China, 1936, р. 9], банк Хэбэя и начат процесс выпуска собственной валюты, сформирована автономная армия [Puppet state, 1936, р. 11], введена должность комиссара по иностранным делам и установлены дипломатические отношения с Маньчжоу-Го [North hopei regime, 1937, р. 11]. В апреле 1936 г. администрация Восточного Хэбэя и правительство Маньчжоу-Го заключили договор о сотрудничестве, в котором оба правительства предпринимали шаги для помощи друг другу в вопросах экономики и обороны [East Hopei and, 1936, р. 9].

Параллельно с этим продолжался процесс формирования в Северном Китае автономного государства [Japan forces rule, 1935, pp. 1–2]. Командующий гарнизоном Тяньцзиня генерал Сун Чжэюань в начале декабря 1935 г. в циркулярной телеграмме правительству Китая в Нанкине подтверждал готовность провинций Хэбэй и Чахар, а также Пекина и Тяньцзиня, войти в состав возможного автономного государства [Demand for military action, 1935, р. 1], но в итоге процесс свелся к созданию на этих территориях территориальной автономии, которую 12 декабря 1935 г. санкционировало китайское правительство [China gives, 1935, р. 2]. Главный административный орган Хэбэйско-Чахарский политический совет фактически не подчинялся Нанкину [Ginsbourg, р. 9], но являлся главным сдерживающим фактором в развязывании войны вплоть до лета 1937 г.

К началу 1937 г. новый кабинет генерала Хаяси обсуждал меры по установлению автономного или независимого режима на Севере Китая во главе с бывшим китайским императором Пу Йи [Malaya and China, 1937, р. 5]. В конце мая 1937 г. прояпонские элементы с участием ряда китайских военачальников и государственных деятелей предприняли попытку создать еще один автономный режим в Северном Китае с целью расширения сферы влияния правительства Восточного Хэбэя. В планах значилось объединение режимов Восточного Хэбэя и Северного Чахара, а новая структура должна была получить название «Автономное правительство Хэбэя и Чахара» [New puppet state, 1937, р. 19]. Данная попытка провалилась. Но уже 14 декабря 1937 г. в Пекине было создано так называемое Временное правительство Китайской Республики, имевшее целью заменить правительство в Нанкине, и были приняты соответствующая декларация и старый республиканский пятицветный флаг [Japan sets up, 1937, р. 11], учреждены правительственные органы.

Ситуация во Внутренней Монголии была значительно более сложная, чем в Халхе (Внешняя Монголия, с 1924 г. — Монгольская Народная Республика) и Барге (округ Хулунбуир), — ей не удалось добиться автономного статуса. Лишь в 1930 г. появился лидер, который был способен добиться желаемого: им стал князь Дэмчиг Донров, князь хошуна Западный Суннид, который настаивал на предоставлении автономного статуса монгольским землям и вел переговоры как с китайскими, так и с японскими представителями для его признания [Many advance units, 1937]. И если первоначальный тон монгольской стороны был довольно мягким и речь шла об автономизации монгольских земель под китайским суверенитетом, а идеи самостоятельности озвучивались робко и редко [Mongolia determined, 1933, р. 7], то затем ситуация изменилась и требования свелись сначала к формированию автономного правительства [Premier's promise, 1934,

р. 11] и далее — к созданию автономного государства [Inner mongol "State's", 1936, р. 9], одним из вариантов которого рассматривалось создание при помощи Советской России автономной республики, схожей по своей модели с той, которая была создана при помощи советского руководства во Внешней Монголии [Strife in Suiyuan, 1936, р. 4]. Кульминацией событий стало провозглашение полной независимости [Inner mongolians set up, 1937, р. 4]. К этому времени часть китайских территорий, заселенных преимущественно монголами, предприняла шаги к созданию ряда автономных правительств [Byas, 1937, р. 1]: в Южном Чахаре [Plan new Chahar regime, 1937, р. 16] и в северной части провинции Шаньси [Japan in North China, 1938, р. 3]. Новое политическое образование получило название Федерации Внутренней Монголии [Japanese warning risks, 1937]. Однако в итоге после объединения всех контролируемых японцами территорий Северо-Восточного Китая в начале 1940 г. прояпонским правительством так называемой Китайской Республики в Пекине в рамках соглашения между японской армией и новым руководством Северного Китая признавалось существование объединенного правительства Внутренней Монголии на правах автономного региона [Durdin, 1940, р. 2]. Таким образом, практический опыт формирования автономных государств в изучаемом нами регионе был исчерпан.

В завершение статьи следует отметить, что автономное государство представляет собой такую политическую организацию, которая, располагая основным массивом признаков суверенного государства, имеет договорный дефект внешнего суверенитета, что дает ему право в полном объеме осуществлять соответствующие прерогативы, но не позволяет быть полноценным субъектом международного права и международных отношений.

Среди наиболее существенных признаков автономного государства, применимых к политиям выбранного нами региона Восточной Азии, обозначим следующие. Во-первых, изучение исторического опыта позволяет нам говорить о том, что автономное государство возникает в период распада государства-патрона, когда прежние отношения между политическим центром и территориями ослаблены либо разрушены. Здесь возможно или сохранение его в составе прежнего государства, или включение в состав другого. В связи с этим автономное государство всегда имеет временный, переходный характер и либо преобразуется в административно-территориальную единицу государства-патрона, либо приобретает государственный суверенитет и становится полноценным субъектом международных отношений и международного права.

Во-вторых, процесс автономизации в регионе почти всегда носит национальный или национально-религиозный характер, и именно этот аспект зачастую является катализатором процесса изменения юридического статуса автономизируемой территории.

В-третьих, отношения, которые возникают у автономного государства к государству-патрону, носят вассальный характер в его современном (по Л. Опенгейму, см.: [Оппенгейм, с. 181–184]) понимании: форма международного попечительства, сводящаяся к представлению государством-патроном (сюзереном) государства-вассала в международных отношениях полностью или в отдельных вопросах.

В-четвертых, в процессе автономизации, приобретения соответствующего статуса и полномочий, как правило, принимает участие международное сообщество или отдельные приграничные с государством-патроном страны.

В-пятых, среди прерогатив автономного государства за ним закрепляются и гарантируются: самостоятельность государственной системы (правительство, правоохранительные и судебные органы); неотчуждаемость территории; наличие государственных атрибутов; гражданство; самобытность права (конституция и законодательство); полномочия по установлению и сбору налогов; образование и воспитание; отправление религиозного культа и религиозное многообразие; сохранение и развитие своего языка и др., а также возможность представительства при высших органах власти государства-патрона. Среди спорных прерогатив: статус и порядок вступления в должность руководителя; бюджетные отношения; право на собственную валюту; таможенные вопросы.

В-шестых, юридически автономное государство лишено государственного суверенитета в силу того, что является составной частью государства-патрона, которое и реализует набор суверенных прав в полном объеме, но фактически речь идет только о лишении (или дефекте) внешнего суверенитета, поскольку, исходя из предыдущего посыла, внутренний суверенитет сохраняется практически в полном объеме.

И, наконец, в-седьмых, автономное государство в большинстве изученных нами случаев представляло собой важное стратегическое пространство, контроль над которым был необходим для обеспечения доминирующего положения той или иной державы в регионе в целом. В связи с этим следует констатировать, что автономное государство может выступать и выступает как (потенциальный или действенный) инструмент стратегического присутствия державы в регионе, что порождает геополитическое или региональное противостояние.

Литература

Броунли Я. Международное право: в 2 кн. Кн. 2 / Я. Броунли; пер. с англ. С. Н. Андрианова; под ред. Г. И. Тункина. М.: Прогресс, 1977. 509 с.

Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования / Сочинение В. М. Грибовского, приват-доцента Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Типография М. Меркушева, 1897. [2], II, XXII, 413 с.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Т. II: Революция / А. Дебидур; пер. с фр. В. В. Броуна. М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1947. 544 с.

Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России / Ю. В. Ключников, А. Сабанин. М.: Издание Литиздата НКВД, 1926. V, 463 с.

Конституции социалистических государств: сб. в 2 т. Т. 1: [СССР, НСР, НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, КНР, КНДР] / под ред. Б. А. Страшуна, Б. Н. Топорнина, Г. Х. Шахназарова. М.: Юридическая литература, 1987. 336 с.

Конституция СССР: Политико-правовой комментарий. М.: Политиздат, 1982. 398 с.

Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I: Введение и Общая часть / Н. М. Коркунов, доктора государственного права. Изд. 4-е (без существенных перемен). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. VIII, 573 с.

Крупский Н. В. Советская федерация — форма советского государственного устройства // Вестник Московского университета. Серия общественных наук, 1950. Вып. 3, № 7 (июль). С. 61–78.

Куприц Н. Я. Об автономной области как одной из форм советской автономии и ее правовом положении // Советское государство и право, 1940. № 5–6. С. 18.

Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. III: 1914–1917 гг. Т. 7: 14 января — 23 мая 1915 г. Ч. 2 / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М. Н. Покровского. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. XX, 535 с.

Оппенгейм Л. Международное право. Т. I: Мир. Полутом 1 / пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом; под ред. и с предисл. проф. С. Б. Крылова. М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1948. 408 с.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864: Документы / АН СССР. Институт славяноведения и балканистики и др. М.: Наука, 1985. 495 с.

Освобождение Болгарии от турецкого ига: документы в 3 т. Т. 1: Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877 / под ред. С. А. Никитина, В. Д. Конобеева, Ал. К. Бурмова, Н. Т. Тодорова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 715 с.

Проливы // Социалистическая академия. Кабинет внешних сношений; предисл. Ф. Ротштейна; доп. ст. Е. А. Адамова. М.: Красная новь, 1923. 103 с.

С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 год // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1913. Кн. IV. С. 196–218.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. 464 с.

Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы (1814–1896) / пер. с фр.; под ред. проф. А. Трачевского, с предисловием автора, написанным для русской публики. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1898. [4], IV с., IX–XVI, 866 стб.

Торжества по случаю 80-летия победы на Халхин-Голе. URL://kremlin.ru/events/president/news/61436 (дата обращения: 20.10.2019).

Хороший Н. Н. Конституционное законодательство Тувинской автономной республики // Актуальные проблемы государства и права: Труды Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева. Т. 228. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. С. 3–9.

Юнусов Ю. Ю. Дагестанская АССР — Советское социалистическое государство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, 1967. 19 с.

Byas H. Japanese set up regime in Chahar // The New York Times. 1937. Sept. 04. P. 1.

China gives Japan reply // Los Angeles Times. 1935. Dec. 12. P. 2.

Demand for military action against the North China rebels // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 2. P. 1.

Domination of North China // Morning Tribune. 1936. Apr. 20. P. 2.

Durdin T. F. Chiang says Japan Imperils all East // The New York Times. Jan. 24. 1940. P. 2.

East Hopei and Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 21. P. 9.

East hopei regime seizes control of courts // The Straits Times. 1936. Apr. 1. P. 11.

Ginsbourg M. J. North China «autonomy» // The Washington Post. 1936. Feb. 28. P. 9.

Inner mongol «State's» protest // Strats Times. 1936. Aug 28. P. 9.

Inner mongolians set up new regime; Break from Nanking // Chicago Daily Tribune. 1937. Oct 29. P. 4.

Japan forces rule on China today // The Washington Post. 1935. Nov. 20. P. 1–2.

Japan in North China // Malaya Tribune. 1938. Jan. 22. P. 3.

Japan sets up new China government // The Straits Times. 1937. Dec. 15. P. 11.

Japanese army prepared for invasion of North China // Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 1.

Japanese warning risks to foreign troops at Shanghai // The Times. 1937. Oct. 30.

Malaya and China Parley // Sunday Tribune (Singapore). 1937. Feb. 14. P. 5.

Many advance units of Tokio forces declared cut off big Shanghai barrage // New York Post. 1937. Oct. 20.

Mongolia determined to be free // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1933. Dec. 18. P. 7.

New puppet state in North China? // The Straits Times. 1937. June 9. P. 19.

No flag raising // The Straits Times. 1935. Nov. 26. P. 12.

North China to be dominated by armed force // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 20. P. 9.

North hopei regime // Malaya Tribune. 1937. Apr. 22. P. 11.

Plan new Chahar regime // The New York Times. 1937. Sept. 16.

Premier's promise // Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1934. Feb. 12. P. 11.

Puppet state in North China? // Malaya Tribune. 1936. June 18. P. 11.

Strife in Suiyuan // The New York Times. 1936. Aug. 14. P. 4.

Дудин Павел Николаевич — канд. полит. наук; dudin2pavel@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 24 октября 2019 г.;

рекомендована в печать: 15 ноября 2019 г.

Для цитирования: Дудин П. Н. Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 1. С. 40–57. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.103>

AUTONOMOUS STATE AS A POLITICAL CATEGORY AND TOOL OF STRATEGIC PRESENCE²

Pavel N. Dudin

East Siberian State University of Technology and Management,
40B, Klyuchevskaya ul., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670013, Russian Federation;
dudin2pavel@gmail.com

The article attempts to derive the definition of an autonomous state and a set of its key features (characteristics) proceeding from existing foreign and domestic scientific materials. Although such a category is not present in wide political discourse, the existence of states (or state-like entities) with an autonomous status is still a reality that requires a scientific assessment. The relevance of the stated problems is due to the historical events that took place in the region of East Asia in the first half of the twentieth century. And for objective or subjective reasons, they require scientific and social rethinking. One of these events is the role and importance of Mongolia (then — Outer Mongolia / Mongolian People's Republic) in the events preceding and accompanying the Second World War and the Great Patriotic War. Another event may be the creation of an "alternative" Mongol state in the occupied territories of Northern China by the Japanese military command. And if the current state of international relations in the region allows us to argue that the military presence of powers that are unfriendly to Russia in East Asia is not expected in the expected future, then we cannot speak with the same confidence about other instruments of strategic presence, including so-called "soft power." That is why studying the experience of building a regional political order is an important task, to the solution of which the scientific community must also be connected.

Keywords: autonomy, state, Europe, East Asia, China, Mongolia, international relations, strategic presence.

² The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the scientific project No. 19-09-00502 "Institutions of the Russian / Soviet strategic presence in East Asia in the 20th century".

References

- Brownle J. *International Law*: in 2 books. Transl. from English. S. N. Andrianova; ed. by G. I. Tunkina. Moscow, Progress Publ., 1977, 509 p. (In Russian)
- Byas H. Japanese set up regime in Chahar. *The New York Times*. 1937. Sept. 04, p. 1.
- Celebrations on the occasion of the 80th anniversary of the victory on Khalkhin-Gol. URL: // kremlin.ru/events/president/news/61436 (accessed: 10.10.2019). (In Russian)
- China gives Japan reply. *Los Angeles Times*, 1935. Dec. 12, p. 2.
- Chronicle of the diplomatic history of Crete from 1896 to 1913. *News of the Ministry of Foreign Affairs*. St. Petersburg., 1913, Vol. IV, pp. 196–218. (In Russian)
- Collection of treaties of Russia with other states. 1856–1917*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, 464 p. (In Russian)
- Constitution of the USSR: Political and legal commentary*. Moscow, Politizdat Publ., 1982, 398 p. (In Russian)
- Constitutions of the socialist states: in 2 vols. Vol. I: USSR, NSRA, NRB, VNR, SRV, GDR, PRC, DPRK. Moscow, Legal literature, 1987, 336 p. (In Russian)
- Debidour A. *The Diplomatic History of Europe from Vienna to the Berlin Congress (1814–1878)*. Vol. II: Revolution. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature, 1947, 544 p. (In Russian)
- Demand for military action against the North China rebels. *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*, 1935, Dec. 2, p. 1.
- Domination of North China. *Morning Tribune*, 1936. Apr. 20, p. 2.
- Durдин T.F. Chiang says Japan Imperils all East. T.F. Durдин. *The New York Times*, 1940, Jan. 24, p. 2.
- East hopei and Manchukuo. *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*, 1936, Apr. 21, p. 9.
- East Hopei regime seizes control of courts. *The Straits Times*, 1936, Apr. 1, p. 11.
- Ginsbourg M. J. North China “autonomy”. *The Washington Post*, 1936, Feb. 28, p. 9.
- Gribovsky V.M. *The people and power in the Byzantine state. The experience of historical and dogmatic research*. St. Petersburg: Printing house of M. Merkushev, 1897. [2], II, XXII, 413 p. (In Russian)
- Inner mongol “State’s” protest. *Strats Times*, 1936, Aug 28, p. 9.
- Inner mongolians set up new regime; Break from Nanking. *Chicago Daily Tribune*, 1937, Oct 29, p. 4.
- International Relations in the Age of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878–1917*. Ser. III: 1914–1917. Vol. 7: January 14 May 23, 1915. Part 2. Moscow; Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1935, XX, 535 p. (In Russian)
- Japan forces rule on China today. *The Washington Post*, 1935, Nov. 20, pp. 1–2.
- Japan in North China. *Malaya Tribune*, 1938, Jan. 22, p. 3.
- Japan sets up new China government. *The Straits Times*, 1937, Dec. 15, p. 11.
- Japanese army prepared for invasion of North China. *Los Angeles Times*, 1935, Nov. 19, p. 1.
- Japanese warning risks to foreign troops at Shanghai. *The Times*, 1937, Oct. 30.
- Khoroshiy N. N. *The constitutional legislation of the Tuva Autonomous Republic*. Tomsk, Tomsk State University Publishing House, 1972, pp. 3–9. (In Russian)
- Klyuchnikov Y.V., Sabanin A.V. *International Politics of Contemporary Time in Agreements, Notes, and Declarations. Part II: from imperialist war to lifting the blockade from Soviet Russia*. Moscow, Publication of the Litizdat of the People’s Commissariat of Education, 1926, V, 463 p. (In Russian)
- Korkunov N. M. *Russian State Law. Vol. I: Introduction and General part*. St. Petersburg, Printing house of M. M. Stasyulevich, 1901. VIII, 573 p. (In Russian)
- Krupsky N. V. *The Soviet Federation — a form of the Soviet state system*. Moscow, 1950. Vol. 3, no. 7 (July), pp. 61–78. (In Russian)
- Kupritz N. Y. *About the autonomous region, as one of the forms of Soviet autonomy, and its legal status*. Moscow, 1940, no. 5–6, p. 18. (In Russian)

- Malaya and China Parley. *Sunday Tribune (Singapore)*, 1937, Feb 14, p. 5.
- Many advance units of Tokio forces declared cut off big Shanghai barrage. *New York Post*, 1937, Oct. 20.
- Mongolia determined to be free. *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942)*, 1933, Dec. 18, p. 7.
- New puppet state in North China? *The Straits Times*, 1937, June 9, p. 19.
- No flag raising. *The Straits Times*, 1935, Nov. 26, p. 12.
- North China to be dominated by armed force. *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*, 1936, Apr. 20, p. 9.
- North hopei regime. *Malaya Tribune*, 1937, Apr. 22, p. 11.
- Oppenheim L. *International Law. Vol. I: World. half of volume 1*. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature, 1948, 408 p. (In Russian)
- Plan new Chahar regime. *The New York Times*, 1937, Sept. 16.
- Premier's promise. *Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942)*, 1934, Feb. 12, p. 11.
- Puppet state in North China? *Malaya Tribune*, 1936, June 18, p. 11.
- Senobos Sh. *Political History of Modern Europe (1814–1896)*. St. Petersburg, Printing house of P. P. Soykina, 1898. [4], p. IV., IX–XVI, column 866. (In Russian)
- Straits (Collection)*. Moscow, Krasnaya nov' Publ., 1923, 103 p. (In Russian)
- Strife in Suiyuan. *The New York Times*, 1936, Aug. 14, p. 4.
- The liberation of Bulgaria from the Ottoman yoke: documents in 3 vol. Vol. 1: The liberation struggle of the southern Slavs and Russia. 1875–1877*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961, 715 p. (In Russian)
- The Liberation Struggle of the Peoples of Bosnia and Herzegovina and Russia 1850–1864: Documents*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 495 p. (In Russian)
- Yunusov Y. Y. *Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic — Soviet Socialist State: author's abstract for Cand. legal Sciences degree*. Moscow, 1967, 19 p. (In Russian)

Received: October 24, 2019

Accepted: November 15, 2019

For citation: Dudin P. N. Autonomous State as a Political Category and Tool of Strategic Presence. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 40–57.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.103> (In Russian)